

УДК 070:314.96

**ГОСУДАРСТВА СОВРЕМЕННОГО МИРА: ГЕНДЕРНЫЙ СТАТУС
(на примере представления глобальных рейтингов
в массовой коммуникации)**

О. Г. Овчарова

Российская государственная специализированная академия искусств
кафедра гуманитарных дисциплин

Исследуется гендерный статус современных государств на основе анализа представления глобальных рейтингов (*IPU, GGG, GI*) в массовой коммуникации. Выявляется вероятность необъективной оценки гендерного статуса государства в массмедиа, при условии, что представленная информация не учитывает влияние социального и политического контекста на формальные цифры рейтингов.

Ключевые слова: *гендерный статус государства, глобальные рейтинги, массовые коммуникации.*

В современном мире соблюдение государствами принципов гендерного равенства свидетельствует о равноправии мужчин и женщин и, следовательно, указывает на уровень цивилизованности и демократизации страны. Иными словами, решение вопросов гендерного равенства влияет на позиционирование страны в мире посредством определения гендерного статуса государства – социального, экономического, политического положения женщин как социальной группы, зависящего от системы властных, культурных, экономических отношений, существующих в государстве.

Поскольку в настоящее время гендерный статус государства определяется не столько идеями гендерного равенства (пока это еще вопрос времени), сколько характеристиками гендерной асимметрии, определим методологическое значение этих понятий и перейдем к изучению непосредственно гендерного статуса современных государств через их представление в массовой коммуникации.

Гендерное равенство – это достижение равных прав и возможностей их реализации для мужчин и женщин в различных социальных сферах, а также равная общественная оценка этой реализации. Тем не менее современные общества больше гендерно асимметричны. Гендерная асимметрия – характеристика неравенства социально-политических позиций и статусов мужчин и женщин в различных сферах общества. Это неравномерное количество мужчин и женщин в политике и разница институциональных возможностей, способствующих их продвижению в сфере принятия решений. Это неравенство в экономической сфере, выражающееся в блокировке доступа женщин к более высокооплачиваемым работам в государственном и коммерческом секторах экономики и в более низкой оплате труда. Во многих странах женщины получают менее качественное образование, а домашний труд женщины, рождение и воспитание детей оцениваются менее значимо, нежели труд мужчины в сфере общественной. И именно этот исторически сложившийся формат гендерных отношений («мужское – женское / общественное – частное / доминирование – подчинение»), воспроизводящийся посредством исторической памяти об-

щества, и является причиной гендерной асимметрии в современных государствах [10, с. 244–247], что и заставляет определять их гендерный статус.

Довольно отчетливо гендерный статус государств демонстрируют глобальные рейтинги. «Глобальные рейтинги как инструмент анализа, прогноза и поддержки принятия управленческих решений являются сравнительно новым феноменом, имеющим всего лишь столетнюю родословную, хотя сравнение стран друг с другом всегда лежало в основе и сотрудничества, и соперничества, и войн, и мира. Усложнение всех аспектов жизни современного общества, лавинообразное увеличение информационных потоков и интенсивности коммуникаций создали мощный спрос на рейтинги фирм, продуктов и услуг, финансовых инструментов, регионов, стран и т. п...» [13]. Таким образом, в настоящее время позиция государства в мировых рейтингах – серьезный и важный политический барометр. Рейтинг государства по тому или иному показателю влияет на его репутацию, обеспечивает представление о потенциале развития страны в целом и определенной проблеме в этой стране, способствует самоидентификации [4, с. 4–5]. «Достижение относительно благоприятной позиции страны <...> в мировой “табели о рангах” все чаще становится важной задачей государственной политики...» [13].

Повышает необходимость достойного представления государств в глобальных рейтингах и факт их распространения в средствах массовой коммуникации, а следовательно, влияние на массовое восприятие и сознание, на формирование общественного мнения о статусе государства с позиции рейтингуемого аспекта.

Для понимания предмета нашего исследования – гендерного статуса государств современного мира – в настоящей статье будут проанализированы данные рейтингов международных организаций, которые характеризуются как надежные, а следовательно, имеют широкую медийную огласку и оценку.

Надежность рейтинговых показателей обуславливается стандартизованностью и прозрачностью методик составления, приводящих к проверенному временем объективному результату, а также частотой обращения со стороны заинтересованных лиц к данным этих рейтингов. Под «частотой обращения» понимается перманентное, целенаправленное использование данных в массмедиа как реперной точки измерения гендерного равенства / гендерной асимметрии.

Итак, обратимся к результатам рейтинга представленности женщин в парламентах мира Межпарламентского союза (*IPU*), индексу глобального гендерного разрыва (*GGG*) Всемирного экономического форума и индексу гендерного неравенства (*Gender Inequality Index – GI*), публикуемому Программой развития ООН. Временной период всех указанных рейтингов – 2018 год. Поскольку рейтинги составлены на основе фиксации количественных страновых показателей гендерного неравенства в разных социальных сферах, еще одной задачей работы будет изучение природы цифр, представленных в рейтингах.

Вначале рассмотрим результаты рейтингов Межпарламентского союза (*IPU*) – международной организации, координирующей действия парламентов мира и ежемесячно фиксирующей количество женщин в верхней и нижней палатах парламентов 191 страны. Показатели в политической сфере представляются значимыми для определения гендерного статуса государства, поскольку гендерная асимметрия политики говорит об отторжении женщин от возможности определять вектор политической, а следовательно, и всех остальных сфер развития общества – экономической, социальной и т. д.

Так как не во всех государствах парламент двухпалатный, обратимся к данным по количеству женщин в нижних палатах, что позволит унифицировать резуль-

таты. Также важно понимать, что иные рейтинги, анализируемые в настоящей работе, включают именно показатели Межпарламентского союза по представленности женщин в нижних палатах парламентов.

Итак, рейтинг Межпарламентского союза свидетельствует о том, что первые десять мест в мировой классификации представленности женщин в нижних палатах парламента государства на 1 декабря 2018 года занимают 9 африканских и латиноамериканских стран и 1 страны Северной Европы. Перечислим их: Руанда (61,3 %), Куба (53,2 %), Боливия (53,1 %), Мексика (48,2 %), Гренада (46,7 %), Намибия (46,2 %), Швеция (46,1 %), Никарагуа (45,7 %), Коста-Рика (45,6 %), ЮАР (42,7 %) [19]. Для сравнения приведем данные 13-летней давности, также представленные Межпарламентским союзом. Конфигурация стран-лидеров на 1 февраля 2016 года была следующей: Руанда (48,8 %), Швеция (45,3 %), Норвегия (37,9 %), Финляндия (37,5 %), Дания (36,9 %), Нидерланды (36,7 %), Куба (36 %), Испания (36 %), Коста-Рика (35,1 %), Аргентина (35 %), Мозамбик (34,8 %) [20].

Очевидно, что цифры демонстрируют положительную динамику по преодолению гендерной асимметрии в регионах, некогда бывших аутсайдерами по самым разным социально-политическим показателям, в том числе и по уровню равноправия полов. И эта же динамика показывает, как стремительно вытесняются с первых мест политической представленности женщины стран Северной Европы, и прежде всего скандинавские страны – страны-образцы последовательной и уверенной реализации политики гендерного равенства, проводившейся на почве культурно-исторических традиций приверженности граждан ценностям социального равноправия.

Однако могут ли приведенные цифры / количественные показатели гендерной асимметрии нивелировать социальные успехи скандинавских или же, к примеру, западноевропейских стран, также имеющих опыт строительства гендерно ориентированных государств? И, напротив, утверждать, что увеличение женщин в североафриканских и латиноамериканских парламентах выступит однозначным залогом влияния женщин на процессы развития в своих странах?

Проследим, как влияют показатели не только политики, но и экономики, а также иные факторы на оценку той или иной страны в международном масштабе. Обратимся к цифрам индекса глобального гендерного разрыва (*GGG*) по версии Всемирного экономического форума. ВЭФ формирует обозначенные показатели с 2006 г., ежегодно увеличивая количество стран, участвующих в рейтинге. В 2018 г. число стран, для которых рассчитывается индекс, увеличилось до 149. Индекс гендерного разрыва представляет собой «основу для измерения величины и объема гендерных различий и отслеживания их прогресса». Разрыв между мужчинами и женщинами рассматривается в четырех категориях, или субиндексах: 1) экономическое участие и возможности; 2) полученное образование; 3) здоровье и выживаемость; 4) политические права и возможности [18]. Индекс колеблется от нуля (что означает полное гендерное неравенство) до единицы (что означает полное гендерное равенство).

Согласно индексу, лидером в прошедшем году стала Исландия с общим показателем по всем субиндексам 0,858. Затем расположились Норвегия (0,835), Швеция (0,822), Финляндия (0,821), Никарагуа (0,809). Шестое место занимает Руанда (0,804), лидирующая в рейтинге Межпарламентского союза. Несмотря на 30-е место по субиндексу экономического участия (0,743), 109-е место (0,961) по образованию и 90-е место (0,973) по здоровью и выживаемости, вытягивает Руанду в лидирующую десятку 4-е место (0,539) в категории «политические права и возможности».

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении Никарагуа, попавшей на 5 место среди лидеров. Заметим, что Россия в 2018 году осталась, как и в предыдущие годы, на 75-й (0,701) строчке рейтинга. В РФ лучше всего ситуация с равенством в сфере образования – 28-е место (1), далее следуют здоровье (1 и 1-е место в рейтинге) и экономика (0,701) – 31-е место. Но гендерная асимметрия политики обеспечивает России падение в общем рейтинге: по субиндексу политических прав и возможностей наша страна находится на 123 месте (0,065) [17].

Конфигурация стран мира вне определяющего значения показателей политической представленности женщин, со всей вероятностью, будет выглядеть иным образом. Увидеть, каким, позволят цифры индекса гендерного неравенства (*Gender Inequality Index – GII*), публикуемые Программой развития ООН. Этот рейтинг рассматривает гендерное неравенство в трех основных областях: 1) репродуктивное здоровье; 2) расширение прав и возможностей; 3) экономическая активность. Также выделяются специальные категории: 1) коэффициент материнской смертности; 2) коэффициент подростковой рождаемости; 3) места в национальном парламенте; 4) процент населения, имеющего как минимум среднее образование (доля женщин и мужчин); 5) процент рабочей силы (доля женщин и мужчин) [15].

Согласно индексу гендерного неравенства-2018, страны с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства представлены (в первой десятке) Норвегией, Швейцарией, Австралией, Ирландией, Германией, Исландией, Гонконгом (Китай), Швецией, Сингапуром, Нидерландами. Российская Федерация занимает 49-е место и находится в зоне стран с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства. Никарагуа занимает 124-е место в группе стран со средним уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства, Руанда – 158-е место и присутствует среди стран с низким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства [16].

Таким образом, на примере глобального гендерного разрыва и индекса гендерного неравенства становится очевидным косвенное влияние количественных показателей гендерной асимметрии в политике. При анализе формальных, констатирующих цифр необходимо учитывать причины и факторы, эти цифры обуславливающие. То есть мировые тенденции смещения первенства в политической представленности женщин от европейских стран к таким регионам, как Африка южнее Сахары и Латинская Америка, следует рассматривать сквозь призму причин, их формирующих.

Количественное увеличение женщин в парламентах ряда стран перечисленных выше регионов происходило посредством мер позитивной дискриминации. В 1990-е гг. в отдельных государствах Латинской Америки были приняты законы, регулирующие политическое участие женщин, а именно, введена система квот женского представительства на выборных должностях. Также в 1990-х гг., а именно в 1997 г., южноафриканские государства, входящие в Сообщество развития Юга Африки (САДЖ), приняли декларацию, в которой была поставлена цель установить в странах – членах этой организации представительство женщин на руководящих должностях на уровне 30 % [12, с. 42]. И в Латинской Америке, и в африканском регионе эти действия происходили согласно рекомендациям Комиссии ООН по улучшению положения женщин. Последнее, в свою очередь, способствовало развитию в этих странах демократических институтов, ранее отсутствовавших, а теперь формально приближающих страны второго и третьего регионов модернизации к странам «старой» демократии. Это отчетливо видно на примере Руанды – «земли

тысячи холмов», которая восстанавливается после последствий геноцида и пытается завоевать позитивную оценку со стороны мирового сообщества.

Очевидно, что за столь короткий период у женщин не было возможности накопить достаточный потенциал для эффективного управления. Кроме того, отмена квот (как показывает мировой опыт, такие процессы нельзя исключать) в состоянии разрушить весь гендерный баланс. К примеру, в постсоветской России после отмены квотирования представительство женщин резко упало [8, с. 59], и в настоящее время наша страна с 15,8 % женщин в Государственной Думе находится на 129 месте в рейтинге Межпарламентского союза. Подобные прецеденты были и в исследуемых нами регионах Африки и Латинской Америки [11, с. 74–75].

Также следует обратить внимание на тот факт, что, несмотря на процесс феминизации политики, в странах-лидерах количественных показателей гендерного равенства во власти продолжает развиваться процесс феминизации бедности. Исследователи предполагают, что социально ориентированные решения женщин-политиков в состоянии блокироваться в силу невозможности их экономической поддержки и нерентабельности. Так, даже в обладающей экономическим потенциалом ЮАР – страны-члена БРИКС – женщины составляют подавляющее большинство среди безработных и беднейших групп населения. Несмотря на 42,7 % представленности женщин в парламенте, «в экономике женщины занимают только 25 % должностных позиций (23 % – белые, 9 % – цветные, 5 % – индианки). Доля женщин, занимающих главные должности в профсоюзах, также очень низка [1, с. 573–574].

Какой же отклик находят представленные рейтинги в массовой коммуникации? Заметим, что результаты рейтингов после их оглашения на сайтах организаций, проводивших замеры, оперативно размещаются на ведущих новостных лентах в системе Интернет, в социальных сетях, оглашаются по телевидению, сопровождаясь, естественно, оценкой экспертов. Вот лишь ряд заголовков в популярных изданиях: «Гендерного равенства два века ждут» (*kommersant.ru*), «Гендерного равенства придется ждать еще дольше» (*bbc.com*), «Гендерное неравенство в мире увеличилось в 2017 году впервые за десятилетия» (*Interfax.ru*) т. д.

Демонстрируют медиа и интерпретации влиятельных персон. Так, перед открытием 60-й сессии Комиссии ООН по положению женщин, состоявшейся в марте 2016 года в Нью-Йорке, помощник Генерального секретаря по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин Пумзиле Мламбо-Нгкука заявила: «Ни одна страна в мире, даже из числа промышленно развитых, не достигла полного гендерного равенства. Это свидетельствует об универсальности проблем, с которыми мы сталкиваемся, продвигая равенство полов» [21]. В отчете по глобальному гендерному разрыву за 2018 г. говорится: «Наиболее трудными для преодоления гендерного равенства являются аспекты расширения экономических и политических прав, для закрытия которых потребуется 202 и 108 лет соответственно. Хотя разрыв в экономических возможностях несколько сократился в этом году, прогресс был медленным, особенно с точки зрения участия женщин на рынке труда, где гендерный разрыв несколько изменился» [14].

Массмедиа дают заключения и по конкретным странам, не всегда лицеприятные. К примеру, по GGG: «Россия в общем рейтинге рухнула с 49-го на 71-е место из-за существенной потери позиций в сфере экономики и образования. Тем не менее, в образовании страна имеет практически идеальные показатели равенства, как и в медицине. По медицинским показателям (смертность младенцев, продолжительность жизни женщин и мужчин) РФ занимает 1-е место в мире. Вместе с тем ситу-

ация по политическому критерию гендерного равенства в России удручает – страна занимает 121 место в мире из 144 возможных. Во многом это вызвано тем, что за последние 50 лет страной ни разу не правила женщина» [3].

Та же логика присутствует и в мнениях ученых, которые суммируют в своем творчестве основные тенденции и направления социальных процессов и феноменов, в том числе и результаты рейтингов. По словам Э. Гидденса: «Хотя роли, которые играют в различных культурах женщины и мужчины, могут существенным образом различаться, до сих пор не обнаружено такое общество, в котором женщины обладали бы большей властью, чем мужчины. Повсеместно первоочередной задачей, стоящей перед женщиной, является воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, тогда как политическая и военная деятельность остается, как правило, прерогативой мужчины» [2, с. 125].

Вместе с тем, как уже говорилось, именно в сфере политики в настоящее время происходят трансформации показателей гендерной асимметрии. Лидерами выступают государства, ранее не являвшиеся гендерно ориентированными. Однако однозначно коррелировать количественные показатели изменения мировой конфигурации гендерной асимметрии политики с увеличением степени влияния женщин на политический процесс в своих регионах и возрастом в них же демократизации, нельзя.

В данном контексте заметим, что некоторые рейтинги демократии включают в свои переменные такой показатель, как «доля женщин в нижней палате парламента страны». Р. Даль среди базовых параметров демократического правления выделяет «включенность». «И в прошлом, и сегодня режимы также различаются по тому, какая часть населения допущена к относительно равному участию в контроле и оспаривании действий правительства: так сказать, по степени участия в системе публичного оспаривания. Шкала, отражающая границы права на участие в публичном оспаривании, позволила бы нам сравнить различные режимы по такому признаку как включенность (*inclusiveness*)». При этом политолог заключает, что включенность будет тем больше, чем больше граждан будут обладать возможностью оспаривания. Прежде всего, к ним относятся женщины. «Одна из самых развитых систем публичного оспаривания в мире существует в Швейцарии. Вряд ли кто-то возьмется оспаривать тезис о том, что швейцарский политический режим является высокодемократическим. При этом женская половина населения страны еще не допущена к общенациональным выборам» [5, с. 9–10]. *Поясним: женщины Швейцарии получили избирательные права в 1971 г. Книга Р. Даля была написана до этого времени.*

Авторы проекта «Политический атлас современности» (проект нацелен «на создание многомерной типологии современных политических систем и политических режимов на основе разработки и применения комплексных количественных методов сравнительного анализа» [9, с. 7]), пишут: «Представительство женщин в нижней палате парламента тесно связано с участием женщин в политической жизни в целом <...> участие женщин в легислатурах необходимо для их адекватного функционирования. Такое участие отражает общественную структуру, что важно для оптимального демократического политического управления. Без вовлечения женщин в политическую деятельность вряд ли достижимы цели равенства, развития, демократии и мира» [7, с. 155, 157].

Вместе с тем в задачи массмедиа пояснения не входят, и страны третьего мира на равных соседствуют с развитыми странами: «Показатели ухудшились во

всех четырех основных областях: образование, здравоохранение и выживание, экономика и карьера, а также политические права. Особенное беспокойство экспертов вызывают последние две области, где наблюдался самый большой гендерный разрыв, но при этом и самый существенный прогресс за последние годы. Ни одной стране мира пока не удалось достичь полного равенства между полами. Ближе всего к этому подошла Исландия – ей удалось закрыть 88 % гендерного разрыва. За ней следуют Норвегия, Финляндия, Руанда и Швеция. В первую десятку вошли также Никарагуа, Словения, Ирландия, Новая Зеландия и Филиппины» [3].

Таким образом, неотрефлексированная информация в массмедиа не позволяют широкой аудитории понять, что составляющие развития и демократии весьма многочисленны. И демократические институты, в которые при помощи формальных норм встраиваются женщины стран Африки и Латинской Америки, пока только накапливают опыт своей работы, и новое политическое творчество будет определяться не только и не столько гендерной составляющей, а необходимой государству стратегией развития (разрабатываемой, однако, политическими лидерами-мужчинами). А отвлечение от «гендерного взгляда» на политику позволяет утверждать вслед за И. Красевым, что демократические преимущества получают все же страны с исторически накопленным политическим опытом, страны «старой демократии», «политические лаборатории», где «рождались основные политические идеи, проводились наиболее значимые эксперименты» [6, с. 329]. В том числе и осмысленные, апробированные идеи феминизма и гендерного равенства, позволяющие надеяться на повышение гендерного статуса государств современного мира. Данные же рейтингов, представленные в массовой коммуникации, не всегда учитывающие влияние социального и политического контекста на сухие цифры, тем не менее выступают «мягкой силой», являясь при этом одним из факторов формирования субъективного общественного мнения и одним из критериев неверной оценки стабильности государства.

Список литературы

1. Баллаева Е. А. ЮАР: политика гендерного равенства // Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / под ред. О.А. Ворониной. М.: МАКС-Пресс, 2008. С. 572–578.
2. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал-УРСС, 1999. 704 с.
3. Гендерное неравенство в мире увеличилось в 2017 году впервые за десятилетия [Электронный ресурс] // Interfax. В мире. URL: <https://www.interfax.ru/world/585826> (дата обращения 07.02.2019).
4. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира. Доклад–2008 к обсуждению. М.: Междунар. Академия исследований будущего, 2008. 148 с.
5. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
6. Иван Красев беседует с Ричардом Саквой «Становится все проблематичнее предсказать будущее демократии, глядя лишь в ее прошлое» // 22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 309–333.
7. Индекс институциональных основ демократии // Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет, 2007. 272 с.
8. Козлова Н. Н. Депутатский корпус Центрального федерального округа // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 58–71.

9. Мельвиль А. Ю. «Политический атлас современности»: замысел и общие теоретико-методологические контуры проекта // Политические исследования. 2006. № 5. С. 6–14.
10. Овчарова О. Г. Преодоление институциональных ограничений гендерного равенства: трансформация исторической памяти // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: РАПН; РОССПЭН, 2011. С. 244–260.
11. Овчарова О. Г. Гендерное измерение политики: изменение мировой конфигурации // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 2. С. 70–81.
12. Прокопенко Л. Я. Представительство женщин в органах власти (опыт стран южноафриканского региона) // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 40–50.
13. Рейтинги [Электронный ресурс] // Институт экономических стратегий Отделения общественных наук Российской академии наук (ИНЭС). URL: <http://www.inesnet.ru/topic/ratings> (дата обращения: 07.02.2019).
14. From stamping out stereotypes to finding your ‘spark’, here’s how to close the global gender gap [Электронный ресурс] // WEF. Agenda. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/01/women-equality-global-gender-gap-2018> (дата обращения: 06.02.2019).
15. Gender Inequality Index [Электронный ресурс] // Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/gender-inequality-index-gii/> (дата обращения: 07.02.2019).
16. Gender Inequality Index [Электронный ресурс] // Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/GII> (дата обращения 07.02.2019).
17. Global Gender Gap Index Results in 2018 [Электронный ресурс] // WEF. Results and analysis. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/results-and-analysis/> (дата обращения: 07.02.2019).
18. Measuring the Global Gender Gap [Электронный ресурс] // WEF. Results and analysis. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/measuring-the-global-gender-gap/> (дата обращения: 07.02.2019).
19. World classification [Электронный ресурс] // Women in National Parliaments. URL: <http://archive.ipu.org/wmn-e/classif.htm> (дата обращения: 07.02.2019).
20. World classification [Электронный ресурс] // Women in National Parliaments. URL: <http://archive.ipu.org/wmn-e/arc/classif010216.htm> (дата обращения: 07.02.2019).
21. 14 марта открывается сессия Комиссии ООН по положению женщин [Электронный ресурс] // Цели в области устойчивого развития. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/2016/03/14> (дата обращения: 07.02.2019).

**STATES OF MODERN WORLD: GENDER STATUS
(on the example of the submission of global ratings in mass communication)**

O. G. Ovcharova

Russian State Specialized Academy of Arts
the Department of Humanitarian Disciplines

The gender status of modern states is analyzed on the basis of the analysis of the presentation of global ratings (IPU, GGG, GII) in mass communication. The probability of

a biased assessment of the state's gender status in the mass media is revealed, provided that the information submitted does not take into account the influence of the social and political context on the formal rating figures.

Keywords: *gender status of the state, global ratings, mass communication.*

Об авторе:

ОВЧАРОВА Ольга Геннадиевна – доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской государственной специализированной академии искусств (121165, Россия, г. Москва, Резервный проезд, дом 12), соруководитель исследовательского комитета по гендерной политологии РАПН. Член Научного совета РАПН. E-mail: ovcharovao@ya.ru.

About the author:

OVCHAROVA Olga Gennadievna – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Humanitarian Disciplines, Russian State Specialized Academy of Arts (121165, Russia, Moscow, Rezervniy pr., 12); Co-head of the Research Committee on Gender Political Science, RPSA. Member of the Scientific Council of the RPSA. E-mail: ovcharovao@ya.ru.